

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Елена Бабкина

В статье анализируется прогрессирующий процесс европеизации международного частного права в таких направлениях, как участие ЕС в разработке инструментов унификации международного частного права, непосредственное участие ЕС в международных организациях в сфере международного частного права и интенсификация развития международного частного права ЕС. Дается оценка позитивным и негативным правовым последствиям названного процесса.

Ключевые слова: европеизация; европейское международное частное право; коллизионная норма; международное частное право; регламент ЕС.

«Europeanisation of Private International Law» (Elena Babkina)

The article deals with the progressing process of Europeanisation of private international law in such areas as EU participation in the development of tools for the unification of private international law, the direct participation of the EU in international organisations in the field of private international law and the intensification of the development of private international law of the EU. The author gives positive and negative assessment of the legal consequences of the process.

Keywords: conflict-of-laws rule; EU regulation; europeanisation; European private international law; private international law.

Author:

Babkina Elena — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private International and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: babkinaelena16@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Проблематика влияния наднационального правового регулирования на развитие международного частного права в глобальном масштабе исследовалась такими западными учеными, как Ю. Базедов [12], Дж. Хейн [28], Ф. Покар [38; 39], Р. Саватье [45], Д. Видеман [51] и др. Вступление 1 мая 1999 г. в силу изменений и дополнений от 2 сентября 1997 г. в Договор, учреждающий Европейское сообщество (далее — Амстердамский договор), дало основание известному исследователю в сфере международного частного права Ф. Покару [39, р. 873] поставить вопрос, является ли коммунитаризация международного частного права революцией для последнего? Сегодня, вне всяких сомнений, мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Определить основные этапы и методы процесса европеизации международного частного права, выявить его преимущества и недостатки, а также предложить возможные направления для использования опыта Европейского союза (далее — ЕС, Союз) — такие задачи ставила перед собой автор статьи.

Под европеизацией (*europeanisation*) международного частного права (далее — МЧП) мы понимаем не только принятие непосредственно источников права ЕС, регулирующих частнопроводные отношения, осложненные трансграничным элементом, но и влияние, оказываемое правом ЕС на регулирование таких отношений на иных уровнях: международном и национальном, а также на наднациональном уровне в рамках иных интеграционных объединений. (В доктрине параллельно используется термин «коммунитаризация» международного частного права [28; 38; 39].)

Участие ЕС в разработке инструментов унификации международного частного права

Очевидно влияние европейских правовых традиций на источники права, принимаемые под эгидой организаций по унификации МЧП, в частности Гаагской конференцией по международному частному праву (далее — Гаагская

Автор:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: babkinaelena16@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Довгань Елена Фёдоровна — доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе Международного университета «МИТСО»

Царёва Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета

конференция), Международным институтом унификации частного права, Комиссией ООН по праву международной торговли и др. Эти организации созданы в основном европейскими государствами, находятся в европейских городах, соответственно, международные договоры, разработанные в рамках этих организаций, ратифицированы преимущественно европейскими странами.

С момента вступления в силу Римского договора Европейское экономическое сообщество (далее — ЕЭС, Сообщество) проявляло заинтересованность в работе международных организаций по унификации МЧП. Интерес к МЧП существовал уже в то время [45, р. 237].

Так, ЕЭС, представленное Комиссией ЕЭС, принимало участие в работе Гаагской конференции с 1960 г., т. е. с первой сессии конференции, которая имела место с момента создания ЕЭС. Результатом работы этой сессии стало принятие такого необходимого с практической точки зрения международного договора, как Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 г. Упрощение движения официальных документов, выданных в иностранных государствах, — насущная потребность развития общего рынка. Поэтому интерес государств — членов ЕС в данной области очевиден. Кроме того, уже в то время было понятно, что ЕЭС нуждается в урегулировании соответствующего вопроса на наднациональном уровне. В связи с этим, необходимо, чтобы Сообщество имело прямую информацию о разрабатываемом проекте уже на предварительном этапе [53, р. 119].

ЕЭС, а в настоящее время ЕС, принимает участие и в работе иных международных организаций, например УНИДРУА. Аналогичным образом Сообщество участвовало в качестве наблюдателя в разработке проектов Конвенции о международном факторинге [49, р. 6] и Конвенции о международном финансовом лизинге [48, р. 9], принятых 28 мая 1988 г., а также Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям от 24 июня 1995 г. [5].

Особый интерес представляет механизм применения последнего международного договора. Дело в том, что к моменту принятия Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям на уровне ЕЭС действовал наднациональный инструмент — директива 93/7/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств-членов» [3] (в настоящее время действует директива 2014/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств — членов ЕС, и об изменении регламента (ЕС) 1024/2012» [2]).

Наличие собственного правового регулирования в рамках наднациональной организации потребовало учета различий правовых режимов в тексте Конвенции в целях предотвращения конфликта разноуровневых норм по одному и тому же вопросу. Так, согласно пункту 3 статьи 13 Конвенции: «В их взаимоотношениях Договаривающиеся государства — члены организаций по экономической интеграции или региональных сообществ могут заявить, что они применяют внутренние правила этих организаций или сообществ и таким образом не применяют в своих отношениях положения настоящей Конвенции, область применения которых совпадает с внутренними правилами» [5]. Данное положение демонстрирует основной принцип сосуществования параллельных правовых режимов: при совпадении сферы применения приоритет имеет наднациональное регулирование. Прямая норма имеет позитивный эффект: повышается правовая определенность, устраняется фрагментация международного права, минимизируется возможность *forum shopping*.

Непосредственное участие ЕС в международных организациях в сфере международного частного права

Участие ЕС в качестве наблюдателя в работе Гаагской конференции было промежуточным шагом на пути европеизации МЧП в глобальном масштабе.

Участие в международных договорах было объявлено Консультативным заключением Суда ЕС 1/03 [36] исключительной компетенцией ЕС, и по причине отсутствия механизма участия ЕС в международных договорах, принимаемых Гаагской конференцией, Совет принял решение 2008/431/ЕС, наделяющее государства-члены правом вступать или присоединяться к Гаагским конвенциям по вопросу, входящему в исключительную компетенцию ЕС [18]. После присоединения ЕС к Гаагской конференции 3 апреля 2007 г. [17] ЕС может быть непосредственным участником конвенций, которые допускают участие организаций региональной экономической интеграции.

Непосредственное участие в работе международной организации позволяет учитывать специфику целей международной организации региональной экономической интеграции в процессе переговоров по заключению конкретного международного договора в рамках другой международной организации. Статус наблюдателя не может в полной мере решить проблему: возможность высказывать свое мнение после докладов всех делегаций и невозможность участия в голосовании. Эффект европеизации международного частного права, вскрыв эти проблемы на стадии сотрудничества Гаагской конференции и ЕЭС в статусе наблюдателя, оказал влияние и на политику

международных организаций в сфере унификации. Например, в пункте 2 статьи 8 Устава Гаагской конференции внесены дополнения, вступившие в силу 1 января 2007 г., согласно которым «Сессии, Совет и специальные комиссии, **насколько это возможно** (выделено автором. — Е. Б.), действуют на основе консенсуса» [47]. Названные изменения открывают возможности региональным интеграционным объединениям оказывать видимое влияние на политику международной организации, членом или наблюдателем которой они являются.

Следует отметить, что на международном уровне имеет место и противоположная составляющая. Так, в 1983 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Международной комиссией гражданского состояния (*The International Commission on Civil Status* — *ICCS*) и ЕЭС. *ICCS* — межправительственная организация, созданная в 1950 г., целью деятельности которой является разработка инструментов, облегчающих взаимное признание документов в области гражданского состояния, и создание единообразных документов, например многоязычных сертификатов [32]. Несмотря на явное соответствие цели данной организации реализации основного принципа ЕС — свобода движения лиц, а также на высокий профессиональный уровень принятых конвенций, многие государства — члены ЕС (Австрия, Хорватия, Венгрия, Великобритания, Италия, Португалия, Германия) вышли из ее состава (в настоящее время *ICCS* насчитывает 8 государств-членов и 9 государств-наблюдателей [32]). Данный процесс, в первую очередь, связан с возрастающим влиянием ЕС в сфере деятельности, являющейся основной для *ICCS*. Представители западной правовой доктрины высказывают опасение по поводу возможности прекращения деятельности единственной международной организации в сфере регулирования гражданского состояния, особенно в момент возрастания практической потребности в данной специализации [34].

Интенсификация развития международного частного права ЕС

Вступление в силу Амстердамского договора предоставило дополнительные возможности для европеизации МЧП в форме участия институтов ЕС в унификации норм МЧП и международного гражданского процесса. Так, его часть 2 статьи 73 устанавливает, что меры в области сотрудничества судебных органов в гражданских делах, которые имеют трансграничный характер и должны быть приняты... **в той мере, в которой это необходимо** для надлежащего функционирования внутреннего рынка, включают обеспечение совместимости действующих в государствах-членах норм, касающихся правовых и юрисдикционных коллизий [49].

Часть 2 статьи 81 лиссабонской редакции Договора о функционировании Европейского союза, несколько видоизменив текстуально соответствующую норму, еще больше расширила возможности применения наднациональных инструментов в данной сфере: «В целях параграфа 1, **особенно, когда это необходимо** (выделено автором. — Е. Б.) для нормального функционирования внутреннего рынка, Европейский парламент и Совет... принимают меры, призванные обеспечить... взаимную совместимость правил, действующих в государствах-членах в сфере конфликта законов и юрисдикций» [4].

Суд ЕС распространил внутреннюю компетенцию Союза на внешние полномочия. В Консультативном заключении 1/03 [36] он сделал вывод о том, что компетенция Сообщества заключать международные договоры может быть не только явно обозначена в учредительном договоре, но равно вытекать из других положений названного договора, а также из мер, принятых институтами Сообщества по реализации этих положений. Поскольку Сообщество наделило институты соответствующими полномочиями для достижения специфических целей, оно имеет компетенцию принимать международные обязательства, необходимые для достижения таких целей, даже в отсутствие четких положений по этому вопросу. Более того, сферы применения международного договора и акта Союза могут не совпадать в полной мере, причем должно приниматься во внимание не только актуальное состояние права Союза, но и его дальнейшее развитие, насколько это предвидимо во время осуществления такого анализа (пп. 124–126). В Консультативном заключении 1/13 [37] Суд ЕС дополнил данный тезис выводом о наличии исключительной компетенции ЕС, даже если существует только риск нарушения единообразного и последовательного применения регламента в государствах-членах (п. 89).

Справедливости ради следует отметить и существование в европейском праве инструментов, призванных ограничить монополию Союза в вопросе принятия источников международного частного права и реализации государствами-членами компетенции самостоятельно заключать договоры в сфере регулирования трансграничных частноправовых отношений. Так, регламент ЕС 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (далее — Регламент Рим I) [10] и регламент ЕС 864/2007 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (далее — Регламент Рим II) [11] оговаривают в преамбулах задачу разработки специальных актов, регулирующих заключение государствами от своего имени соглашения с третьими странами по вопросам, входящим в сферу применения регламентов. Например, пункт 42 преамбулы Регламента

Рим I устанавливает: «Комиссия представит Европейскому парламенту и Совету предложение относительно процедур и условий, согласно которым государствам-членам в индивидуальных и исключительных случаях будет разрешено проводить переговоры о заключении и заключать от своего имени соглашения с третьими странами, содержащие положения о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам». Как следствие, были приняты регламент ЕС 662/2009, устанавливающий такую процедуру по вопросам, входящим в сферу применения регламентов Рим I и Рим II [43], и регламент 664/2009 [19] — по вопросам, относящимся к сфере применения Регламента Брюссель IIa [7] и Регламента ЕС 4/2009 [44]. Регламент ЕС 662/2009 и регламент ЕС 664/2009, подтверждая в качестве общего правила исключительную компетенцию ЕС в сферах регулирования вышеназванных актов, тем не менее, устанавливают процедуру, по которой государства-члены могут обсуждать и заключать международные договоры с третьими странами. Согласно установленной процедуре государство-член должно уведомить Европейскую комиссию о намерении начать переговоры о заключении договора с третьим государством. Комиссия обязана проверить, не планируется ли заключение такого соглашения с данной страной в течение предстоящих 24 месяцев. В случае отрицательного ответа Комиссия проверяет соблюдение следующих условий: 1) государство-член имеет специфический интерес в заключении релевантного соглашения, вызванный экономическими, географическими, культурными, историческими, социальными или политическими связями с третьим государством; 2) предполагаемое соглашение не нарушает эффективность права Союза и не подрывает основы функционирования системы, установленной европейским правом; 3) предполагаемое соглашение не подрывает объект и цели политики Союза в сфере внешних отношений. Кроме того, устанавливается обязанность включения в текст договора условия о его денонсации государством-членом в случае последующего заключения договора между ЕС и этим третьим государством (ст. 8) [7; 8].

Европейское право предоставило европейскому международному частному праву свои специфические формы — директиву и регламент. Вместе с тем метод и структура источника правового регулирования остались теми же: основные регламенты в сфере МЧП содержат двусторонние коллизионные нормы, а также общие положения о публичном порядке, нормах непосредственного применения, обратной отсылке, применении права государства с множественной правовой системой, в некоторых случаях — юрисдикцию и признание иностранных судебных решений. Таким образом, источники европейского международного

частного права повторяют метод и структуру международных договоров, принятых Гаагской конференцией и другими организациями. Представляется, что такой подход вызван пониманием необходимости взаимодействия между названными актами, а также простотой техники, выработанной более чем столетней практикой Гаагской конференции. Так, регламент ЕС 2201/2003 «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий регламент ЕС № 1347/2000» [7] согласно упомянутому Консультативному заключению Суда ЕС 1/13 «дополняет и уточняет положения Гаагской конвенции о гражданских аспектах похищения детей» и устанавливает приоритет над ней и некоторыми другими гаагскими конвенциями по вопросам, отнесенным к сфере действия регламента (п. 87). Регламент ЕС № 4/2009 «О юрисдикции, применимом праве, признании, обеспечении исполнения решений и сотрудничестве по вопросам, касающимся обязательств по уплате алиментов» отсылает в государствах — членах ЕС для определения применимого права к Гаагскому протоколу от 23 ноября 2007 г. о праве, применимом к алиментным обязательствам, для которых указанный документ имеет обязательную юридическую силу (п. 20 преамбулы) [8].

Однако нельзя не заметить и тенденцию к расширению сферы применения источников европейского международного частного права. На начальном этапе принимались регламенты, закрепляющие коллизионно-правовое регулирование — они именовались регламентами Рим (регламенты Рим I, Рим II, Рим III), чтобы подчеркнуть принцип последовательности: истоки европейского коллизионного регулирования обязательств лежат в проекте Римской конвенции о применимом праве, идея которой заключалась в разработке комплексного правового акта в сфере международного частного права (подробнее см.: [1]), либо посвященные регламентации юрисдикции и порядка признания и приведения в исполнение иностранных решений — они носили название регламентов Брюссель в целях акцентирования внимания на их генезисе вследствие эволюции Брюссельской конвенции (Регламент ЕС 44/2001 «О юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее — Регламент Брюссель I) [9], регламент ЕС 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее — Регламент Брюссель I bis) [6], регламент ЕС 2201/2003 «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей» (далее — Регламент Брюссель II bis) [7]). В настоящее время мы наблюдаем построение ев-

ропейских регламентов по более комплексной системе, которая включает и коллизионное регулирование, и вопросы юрисдикции, и признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в отношении определенного предмета правового регулирования (регламент ЕС 650/2012 «О компетенции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании европейского свидетельства о наследовании» (далее — Регламент Рим IV) [44], регламент ЕС 2016/1103 «О продвинутом сотрудничестве в отношении юрисдикции, применимого права, признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по вопросу режима собственности супругов» [21], регламент ЕС 2016/1104 «О продвинутом сотрудничестве в отношении юрисдикции, применимого права, признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по вопросу имущественных последствий зарегистрированных партнерств» [22].

Отметим, что на стадии подготовки регламента ЕС 1259/2010 «О расширении сотрудничества в области права, применимого к расторжению брака и судебному разлучению супругов» (далее — Регламент Рим III) [20] была предпринята попытка включить в текст не только коллизионные нормы, но и нормы о юрисдикции, признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, поскольку он задумывался как регламент, изменяющий Регламент Брюссель II bis. Однако пересмотр последнего не состоялся по причине противостояния некоторых государств-членов, например Швеции, которая имеет сравнительно либеральное процессуальное законодательство о расторжении брака. Как следствие, текст Регламента Рим III ограничивается нормами о применимом праве в рамках механизма продвинутого сотрудничества между некоторыми государствами-членами на основании статьи 20 Договора о Европейском союзе.

Несмотря на схожесть методологии регулирования и структуры нормативных правовых актов, европейские инструменты различаются спецификой. Особые характеристики источников европейского коллизионного права объясняются двойственностью целей, которые они преследуют. С одной стороны, это гармонизация — единообразие и последовательность — судебных решений и, как следствие, правовая определенность, предсказуемость и стабильность международных частноправовых отношений. С другой стороны, квалифицирующим признаком международного частного права в рамках данного интеграционного объединения является «наполнение» этих норм европейскими ценностями и принципами европейского права, направленность на достижение целей этой организации, в первую очередь, на

эффективность функционирования внутреннего рынка, а именно реализацию четырех основных свобод и создание пространства свободы, безопасности и правосудия.

Ярким примером может служить система коллизионных привязок в Регламенте Рим III [20]. Основным принципом выступает автономия воли сторон, ограниченная правом государства местожительства или последнего местожительства супругов, если один из них продолжает проживать в данном государстве, либо личным законом, как минимум, одного из супругов, либо *lex fori*. В отсутствие выбора сторонами права применению подлежит право государства совместного проживания или последнего совместного проживания, если оно имело место не ранее одного года до заседания суда и один из супругов проживает в нем, либо общего гражданства супругов, либо *lex fori*. В данном случае мы видим компромисс между двумя противоположными целями: создание предсказуемого и определенного правового режима и «гармонии судебных решений» — общая цель процесса унификации, и обеспечение свободы перемещения лиц в Союзе — цель интеграции. Причем последняя обеспечивается как возможностью для сторон правоотношений самостоятельно осуществлять выбор более благоприятного применимого права и избегать неблагоприятного, так и возможностью применения личного закона супругов, которым может являться право третьих стран, в целях учета национальных культурных и религиозных традиций и, следовательно, упрощения признания и приведения в исполнение судебных решений в этих странах.

Возможность достижения таких разных целей, учет различных обстоятельств отличает европейское международное частное право от инструментов иных правовых режимов. Единообразие практики применения права интеграционного объединения — типичная цель любого инструмента унификации, достигается в этом случае, кроме всего прочего, и институциональными механизмами, призванными обеспечивать европейский правопорядок, реализовывать его цели, ценности и принципы [53, p. 124–125]. Непосредственным регулятором выступает Суд ЕС, обладающий компетенцией рассматривать преюдициальные запросы и высказывать авторитетное мнение о толковании норм европейского права. Именно ему принадлежит заслуга в развитии европейского права и продвижении европейской интеграции.

Следует подчеркнуть, что европейское международное частное право, по общему правилу, не имеет своей целью замену действующего правового регулирования на универсальном уровне. Как правило, европейские инструменты регулируют те области общественных отношений, которые представляют наибольшую

сложность для гармонизации и унификации либо требуют специфического регулирования в целях региональной экономической интеграции: контрактное право, транспортные отношения, банковские операции, финансовый сектор.

Показательным примером является проект регламента ЕС 2011/0284 (COD) «О Едином европейском законе о купле-продаже» [40]. Несмотря на свое название, данный акт призван регулировать отношения с потребителями как слабой стороной: статья 8 устанавливает, что он применяется только в том случае, если продавец товара или поставщик цифрового контента являются коммерсантами. Если все стороны контракта купли-продажи являются коммерсантами, Единый европейский закон о купле-продаже может применяться, если, как минимум, одна из сторон является малым или средним предприятием (штат которого не превышает 250 сотрудников и годовой оборот не превышает 50 млн евро). Новый проект 2017 г. [15], призванный заменить проект Единого европейского закона о купле-продаже, еще больше сужает сферу применения: он регулирует контракт с потребителем, которым признается исключительно физическое лицо.

Учет и высокая оценка эффективности универсальных регуляторов со стороны законодателя ЕС еще более четко прослеживаются на примере подхода к правовому регулированию международного коммерческого арбитража. Дискуссии относительно исключения правового регулирования арбитража из сферы применения Регламента Брюссель I имели место еще во время подготовки Брюссельской конвенции [52, р. 113]. Впоследствии, на стадии разработки проекта о пересмотре регламента ЕС о юрисдикции Европейской комиссией было выдвинуто предложение включить в текст статью о соотношении юрисдикции государств-членов и международного коммерческого арбитража, поскольку перед Судом ЕС в нескольких преюдициальных запросах ставился вопрос относительно принятия судом мер по обеспечению иска [27, р. 843, 847]. Еще ранее, в решении от 25 июля 1991 г. по делу *Marc Rich and Co. AG v. Società Italiana Impianti PA* [29], Суд ЕС постановил, что судебный процесс, связанный с арбитражным разбирательством, не входит в сферу применения Брюссельской конвенции о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений в гражданских и коммерческих отношениях от 27 сентября 1968 г. (Суд ЕС постановил, что для решения вопроса о том, подпадает ли спор под сферу регулирования конвенции, необходимо исходить исключительно из предмета спора. Когда таковым является вопрос назначения арбитра, конвенция не применяется, несмотря на существование преюдициального запроса национального суда, перед которым поставлен аналогичный вопрос (п. 26).)

Однако предложение Европейской комиссии, представленное в *Green Paper* [25], о включении в проект нескольких положений относительно арбитража, в том числе о праве, применимом к существованию, и действительности арбитражного соглашения, было встречено такой резкой критикой со стороны арбитражных институтов, что из текста проекта регламента многие положения были исключены, кроме нормы *lis pendens*, устанавливающей в целях исключения параллельных производств между судами и между судами и арбитражами приоритет компетенции арбитража или суда по месту нахождения арбитража относительно наличия, действительности и последствий арбитражного соглашения [41, р. 4, 9, 35, 36].

В итоге окончательный текст регламента не только не регулирует вышеупомянутый вопрос, но и включает норму о приоритете Нью-Йоркской конвенции над регламентом (ч. 2 ст. 73) [9].

Таким образом, сфера применения названных европейских инструментов не имеет точек соприкосновения с существующей унификацией международной купли-продажи посредством Венской конвенции о международных договорах купли-продажи от 11 апреля 1980 г. и международного коммерческого арбитража в рамках Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

Вместе с тем нельзя не отметить и критику, все чаще высказываемую в доктрине относительно сложности и запутанности системы источников МЧП ЕС [31, р. 585–586, 592–593; 51, р. 175–176, 181]. Его называют и «тряпичным ковром», и «горой регламентов без системы», и «большим количеством деревьев, которые не похожи на лес» [51, р. 180].

Нормы МЧП содержатся в огромном количестве источников, сферы применения регламентов порой пересекаются. Сложность терминологии, глубокая дифференциация правового регулирования также не способствуют решению проблемы. Европейское МЧП сегодня — это комплексная, многоструктурная, дифференцированная система правовых норм, характеризующаяся автономностью и, как правило, прямым и непосредственным применением в государствах-членах. Так, об автономности данной системы по отношению как к правовым системам государств-членов, так и к первичному праву Союза свидетельствует, в том числе, использование автономной квалификации правовых терминов. К примеру, в доктрине отмечается, что понятие «услуга», применяемое в части 1 статьи 7 Регламента Брюссель I и части 1 статьи 4 Регламента Рим I, значительно уже аналогичного понятия, содержащегося в статье 56 Договора о функционировании Европейского союза [см.: 13, р. 14]. Аналогичным образом, термины «договор»,

«обещание одной стороны» и др. должны толковаться и толкуются как Судом ЕС, так и национальными судами без привязки к национальному и наднациональному европейскому праву [23, p. 162—171; 33, p. 24].

Еще в 1995 г. в США была опубликована книга М. Рейнмана (*M. Reimann*) «*Conflict of Laws in Western Europe — a Guide through the Jungle*» («Коллизионное право в Западной Европе — гид по джунглям»). Если бы монография была переиздана сейчас, ее структура и содержание изменились бы основательно, однако название с полным правом осталось бы тем же [см.: 31, p. 592].

Безусловно, такая ситуация противоречит положениям статьи 7 Договора о функционировании Европейского союза, которая устанавливает: «Союз заботится о согласованности между различными направлениями своей политики и деятельности с учетом всей совокупности своих целей и в соответствии с принципом наделения компетенцией».

Вышеперечисленные сложности в практическом применении источников МЧП ЕС, являющиеся следствием его фрагментации, обусловили появление предложения разработки комплексных источников европейского права — Кодекса европейского процессуального права [см.: 14, p. 175—186] и Кодекса европейского международного частного права [см.: 24; 35, p. 175—186; 42].

Однако наиболее оптимальной представляется идея автономной комплексной кодификации европейского МЧП (*an all-inclusive, comprehensive codification*), создания единого комплексного нормативного правового акта. Одним из доводов в поддержку названного предложения является успех кодификации МЧП на национальном уровне практически во всех государствах-членах и многих третьих странах. Более того, для европейского региона в принципе характерна идея рецепции юридических конструкций. К примеру, доктрина «характерного исполнения» была заимствована разработчиками Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 г. и затем перенесена в Регламент Рим I из правовой системы третьего государства, а именно Швейцарии (в Швейцарии упомянутая доктрина была предложена А. Шнитцером [46]), правовая система ни одного из государств-членов не содержала в то время аналогичного правового института [26, p. 654—655]. Кроме того, достоинством подхода является повышение правовой определенности и предсказуемости, последовательности и системности правового регулирования, а также единообразного применения и минимизации *forum shopping*. В качестве модели для такого проекта предлагается использовать Закон о международном частном праве Швейцарии 1987 г. [см.: 31, p. 600].

Следует подчеркнуть восприимчивость европейского законодателя к свежим академическим идеям, особую связь, многовекторное сотрудничество между доктриной и органами ЕС. Так, 11 октября 2012 г. Комитет по правовым делам (*JURI*) Европейского парламента запросил Отчет об оценке отсутствия правового регулирования (*Cost of Non-Europe report (CoNE)*) относительно перспектив разработки Европейского кодекса международного частного права. Целью таких отчетов является оценка социальных и экономических издержек, а также последствий недостаточной защиты прав и законных интересов граждан по причине отсутствия Европейского кодекса международного частного права. Соответствующий отчет, представленный в марте 2013 г. [16], указывает на 13 сфер, характеризующихся пробелами правового регулирования на уровне ЕС: правоспособность, недееспособность, имя и отчество, признание *de facto* семейных отношений, признание однополых браков, отношения родителей и детей, решения об усыновлении, алиментные обязательства в *de facto* семейных отношениях, подарки и трасты, движимое и недвижимое имущество, агентирование, частная жизнь и корпорации [16, p. 7, table 2]. Критериями оценки выступили такие факторы, как затраты, связанные с ведением предпринимательской деятельности (затраты, связанные с управлением предпринимательской деятельностью, такие как задолженность, нереальная для взыскания, неисполнение договоров и сложность их принудительного исполнения и в целом упущенная выгода), административные расходы, включая заявления о признании гражданского статуса, проставлении апостиля, сертификации трансграничной деятельности и обосновании права на выплаты, юридические затраты (юридическая помощь, в том числе представительство в судах, установление юридической силы договоров, признание статуса документов, управление имуществом, имущественными правами и иными активами), социальные и эмоциональные затраты (неудобство, потеря благосостояния, стресс и дискомфорт, вызванные длительностью судебного процесса), а также потери ЕС в широком смысле — неопределенность и непоследовательность, вызванные созданием барьеров для свободы движения товаров, лиц и услуг на внутреннем рынке. Отсутствие правового регулирования — как в целом отсутствие регулирования и применимого права, и юрисдикции, и признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, так и отсутствие регулирования на уровне одной или нескольких составляющих МЧП — влекут серьезные правовые последствия как для администрации, так и для граждан ЕС, что оценивается экономическим ущербом для Союза в размере 138 млн евро в год. Сравнивая правовые последствия внесения изменений

и дополнений в отраслевое законодательство и кодификации, авторы отчета высказывают безусловное предпочтение перед последней, называя его преимуществами — прозрачность, упрощение процедур, уменьшение затрат, возможность применения неспециалистами, создание полного представления об объекте, сокращение количества норм, которые приводят к достижению основной цели — реализации принципа правовой определенности, уменьшения барьеров и ограничений для свободы перемещения лиц на внутреннем рынке [16, р. 10], а также упрощения признания судебных решений и предупреждения *forum shopping* [16, р. 12].

Заключение

Представленный в настоящей статье анализ взаимодействия унификационных процессов на универсальном и региональном уровне позволяет сделать следующие теоретические и практические выводы.

Нельзя не признать глобальное влияние региональной унификации международного частного права в рамках ЕС на его универсальную унификацию. Причем это влияние обнаруживается в нескольких плоскостях.

На региональном уровне европеизация МЧП проявляется в предложении новых региональных правовых форм при сохранении классического метода правового регулирования, а также системы построения нормативных правил.

Сфера применения европейского МЧП стремительно расширяется как на горизонтальном уровне — отраслевой характер регулируемых общественных отношений, так и на вертикальном уровне — территориальный характер регулируемых общественных отношений. Классический подход о том, что региональная унификация лимитирована границами регионального интеграционного объединения, в настоящее время терпит крах. Сфера регулирования МЧП ЕС сегодня не ограничена отношениями в рамках Союза, но распространяется и на третьи государства. Данный тезис последовательно развивается Судом ЕС в его консультативных заключениях и решениях.

На универсальном уровне коммунитаризация данной отрасли приводит, к сожалению, к негативным последствиям. Во-первых, это проявляется в потере интереса европейских государств, которые исторически, воплощая идею Ф. К. фон Савиньи о *Entscheidungsharmonie*, являлись движущей силой процессов унификации и гармонизации, к работе некоторых международных организаций. Государства — члены ЕС оставляют членство в таких международных институтах, что объясняется как наличием более значительных результатов унификации на региональном уровне, так и признанием, с легкой руки Суда ЕС, ис-

ключительности компетенции Союза в сфере правового регулирования трансграничных частнопроводных отношений. Данный процесс не может не вызывать опасения за перспективы функционирования таких организаций, как ICCS и Гаагская конференция, членство в которых не ограничено участием европейских государств, и, более глобально, за сохранение универсального уровня правового регулирования в исследуемой сфере.

Практика деятельности данных организаций демонстрирует неудачи создания инструментов универсальной унификации по вопросам, входящим в сферу правового регулирования европейского МЧП: признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений как в целом, так и по отдельным вопросам, например наследования. Так, данный вопрос был вычеркнут из программы Гаагской конференции непосредственно после первого заседания Совета по общим вопросам после принятия регламента ЕС 650/2012. Вместе с тем существует и тенденция «невмешательства» ЕС в регулирование общественных отношений на универсальном уровне.

Европейская доктрина высказывает крайне пессимистичное мнение относительно возможности в настоящее время урегулирования на универсальном уровне вопросов, не регламентированных на этом уровне ранее, например о праве, применимом к существованию и действительности арбитражного соглашения на доарбитражной стадии, а также о юрисдикции такого спора. Длительность и сложность процесса делает невозможным пересмотр Нью-Йоркской конвенции. Единственным решением видится унификация на региональном уровне. Высказанное предложение об использовании инструментов Европейской конвенции 1961 г. [52, р. 128] представляется слишком оптимистичным как по вышеприведенным аргументам, так и с учетом того факта, что только 19 государств — членов ЕС участвуют в ней. Очевидно, что европейские государства вынуждены будут вернуться к вопросу о включении норм о регулировании аспектов, связанных с арбитражным разбирательством, в право ЕС. Первым значительным событием в сфере международного коммерческого арбитража стало решение Суда ЕС С 284/16, вынесенное 6 марта 2018 г. по преюдициальному запросу Федерального суда Германии [30], в котором Суд ЕС признал несовместимой со статьями 267 и 344 Договора о функционировании Европейского союза норму двустороннего договора о поощрении и защите иностранных инвестиций между Нидерландами и Словакией, устанавливающую компетенцию международного коммерческого арбитража рассматривать инвестиционные споры между инвестором государства — члена ЕС и государством — членом ЕС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабкина, Е. В. Интернационализация источников международного частного права под влиянием интеграционных процессов / Е. В. Бабкина // Перспективные решения актуальных проблем государственного строительства и международного права: сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Семашко. — Минск: Четыре четверти, 2017. — С. 175—184.
2. Директива 2014/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств — членов ЕС, и об изменении регламента (ЕС) 1024/2012» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2018.
3. Директива 93/7/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств-членов» [Электронный ресурс] // Там же.
4. Договор о функционировании Европейского союза (с изм. и доп. от 13.12.2007 г.) [Электронный ресурс] // Там же.
5. Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям от 24 июня 1995 г. [Электронный ресурс] // Там же.
6. Регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)» [Электронный ресурс] // Там же.
7. Регламент № 2201/2003 Совета Европейского союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий регламент (ЕС) № 1347/2000» [Электронный ресурс] // Там же.
8. Регламент № 4/2009 Совета Европейского союза «О юрисдикции, применимом праве, признании, обеспечении исполнения решений и сотрудничестве по вопросам, касающимся обязательств по уплате алиментов» [Электронный ресурс] // Там же.
9. Регламент № 44/2001 Совета Европейского союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» [Электронный ресурс] // Там же.
10. Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» [Электронный ресурс] // Там же.
11. Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» [Электронный ресурс] // Там же.
12. Basedow, J. The Communitarisation of Private International Law / J. Basedow // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht = The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. — July 2009. — N 73. — P. 455—460.
13. Bogdan, M. Concise introduction to EU private international law. 3rd ed. / M. Bogdan. — Groningen: Europa Law Publishing, 2016. — 230 p.
14. Bohnet, F. L'unification de la procedure civile Suisse, un modèle pour l'Union européenne? / F. Bohnet // *La justice civile européenne en marche / sous la dir. de: M. Douchy-Oudot et E. Guinchard*. — Paris: Dalloz, 2012. — VII, 277 p.
15. Contracts for online and other distance sales of goods [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/599286/EPRS_BRI\(2017\)599286_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/599286/EPRS_BRI(2017)599286_EN.pdf)>. — Date of access: 10.01.2018.
16. Cost of Non-Europe Report. CONE 3/2013. European Code on Private International Law [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2013/504468/IPOL-JOIN_ET\(2013\)504468_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2013/504468/IPOL-JOIN_ET(2013)504468_EN.pdf)>. — Date of access: 10.01.2018.
17. Council Decision 2006/719/EC of 5 October 2006 on the accession of the Community to the Hague Conference on Private International Law [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32006D0719>>. — Date of access: 10.01.2018.
18. Council Decision 2008/431/EC of 5 June 2008 authorising certain Member States to ratify, or accede to, in the interest of the European Community, the 1996 Hague Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Cooperation in respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children and authorising certain Member States to make a declaration on the application of the relevant internal rules of Community law — Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Cooperation in respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008D0431>>. — Date of access: 10.01.2018.
19. Council Regulation (EC) 664/2009 of 7 July 2009 establishing a procedure for the negotiation and conclusion of agreements between Member States and third countries concerning jurisdiction, recognition and enforcement of judgments and decisions in matrimonial matters, matters of parental responsibility and matters relating to maintenance obligations, and the law applicable to matters relating to maintenance obligations [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A2009R0664>>. — Date of access: 10.01.2018.
20. Council Regulation (EU) 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32010R1259>>. — Date of access: 10.01.2018.
21. Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2016.183.01.0001.01.ENG>. — Date of access: 10.01.2018.
22. Council Regulation (EU) 2016/1104 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of the property consequences of registered partnerships [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2016.183.01.0030.01.ENG>. — Date of access: 10.01.2018.
23. European commentaries on private international law — ECPII: commentary / ed. by U. Magnus, P. Mankowski. Vol. 4. Brussels IIbis Regulation; written by U. Magnus [et al.]. — Köln: Otto Schmidt, 2017. — 540 p.
24. Fallon, F. Les conditions d'un code européen de droit international privé? / F. Fallon // *La matière civile et commerciale, socle d'un code européen de droit international privé?: [actes du colloque organisé à Toulouse, le 17 octobre 2008 par l'Institut de Recherche en Droit Européen, International et Comparé, IRDEIC] / sous la direction de M. Fallon; P. Lagarde; S. Poillot-Peruzzetto*. — Paris: Dalloz, 2009. — P. 175—185.
25. Green Paper on the Review of Council Regulation (EC) 44/2001 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters: Doc. COM (2009) 175 final [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52009DC0175>>. — Date of access: 10.01.2018.

26. Harder, S. *Convergence and Divergence in Private International Law* / S. Harder // *Journal of Private International Law*. — 2011. — Vol. 7, N 3. — P. 649—663.
27. Hartley, T. C. *The Brussels I Regulations and Arbitration* / T. C. Hartley // *International and Comparative Law Quarterly*. — 2014. — Vol. 63, N 4. — P. 843—866.
28. Hein, J. von. *Of Older Siblings and Distant Cousins: The Contribution of the Rome II Regulation to the Communitarisation of Private International Law* / J. von Hein // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht = The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. — July 2009. — N 73. — P. 463—508.
29. Judgment of the Court of 25 July 1991. *Marc Rich & Co. AG v. Società Italiana Impianti PA*: Case C-190/89 [Electronic resource] // *EUR-Lex: Access to European Union law*. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61989CJ0190>>. — Date of access: 10.01.2018.
30. Judgment of the Court (Grand Chamber): Case C 284/16, 6 March 2018 [Electronic resource] // *Court of Justice of the European Union*. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=199968&pageInd ex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=755280>>. — Date of access: 22.03.2018.
31. Kadner Graziano, T. *Codifying European Union private international law: The Swiss Private International Law Act — a model for a comprehensive EU private international law regulation?* / T. Kadner Graziano // *Journal of Private International Law*. — 2015. — Vol. 11, N 3. — P. 585—606.
32. *La Commission Internationale de l'Etat Civil en bref* [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://ciec1.org/>>. — Date of access: 10.01.2018.
33. *Marc Brogssitter v. Fabrication de Montres Normandes EURL and Karsten Fräßdorf*: Case C-519/12 [Electronic resource] // *Court of Justice of the European Union*. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-548/12>>. — Date of access: 10.01.2018.
34. Massip, J. *Commission Internationale de l'Etat Civil (CIEC)* / J. Massip, F. Hondius, C. Nast. — The Hague; London: *Kluwer Law International*, 2018. — 99 p.
35. Nourissat, C. *La codification de l'espace judiciaire civil européen* / C. Nourissat // *La justice civile européenne en marche / sous la dir. de M. Douchy-Oudot, E. Guinchard*. — Paris: Dalloz, 2012. — VII, 277 p.
36. *Opinion 1/03 of the Court (Full Court) 7 February 2006* [Electronic resource] // *EUR-Lex: Access to European Union law*. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62003CV0001:EN:HTML>>. — Date of access: 10.01.2018.
37. *Opinion 1/13 of the Court (Grand Chamber) 14 October 2014* [Electronic resource] // *EUR-Lex: Access to European Union law*. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CV0001>>. — Date of access: 10.01.2018.
38. Pocar, F. *La codification européenne du droit international privé: vers l'adoption de règles rigides ou flexible vers les états tiers?* / F. Pocar // *Le droit international privé: esprit et méthodes; mélanges en l'honneur de Paul Lagarde*. — Paris: Dalloz, 2005. — P. 697—705.
39. Pocar, F. *La communitarizzazione del diritto internazionale private: una «European conflict of laws revolution»?* / F. Pocar // *Rivista di diritto internazionale private e processuale*. — 2000. — October—December. — P. 873—884.
40. *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Common European Sales Law (COD)* [Electronic resource] // *EUR-Lex: Access to European Union law*. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52011PC0635>>. — Date of access: 10.01.2018.
41. *Proposal for a Regulation of the European Parliament and the Council on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (recast): Doc. COM (2010) 748 final, 14 December 2010* [Electronic resource] // *EUR-Lex: Access to European Union law*. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52010PC0748>>. — Date of access: 10.01.2018.
42. *Quelle architecture pour un code européen de droit international privé?* / M. Fallon, P. Lagarde, S. Poillot-Peruzzetto (dir.). — Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt a. M.; Wien [u.a.]: Lang, 2011. — 388 S.
43. *Regulation (EC) No 662/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing a procedure for the negotiation and conclusion of agreements between Member States and third countries on particular matters concerning the law applicable to contractual and non-contractual obligations* [Electronic resource] // *EUR-Lex: Access to European Union law*. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009R0662>>. — Date of access: 10.01.2018.
44. *Regulation (EC) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession* [Electronic resource] // *EUR-Lex: Access to European Union law*. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32012R0650>>. — Date of access: 10.01.2018.
45. Savatier, R. *Le marché commun au regard du droit international privé* / R. Savatier // *Revue critique de droit international privé*. — 1959. — P. 237—268.
46. Schnitzer, A. F. *Les contrats internationaux en droit international privé Suisse* / A. F. Schnitzer // *Recueil de cours*. — 1968. — T. 123. — P. 541—581.
47. *Statute of the Hague conference on private international law* [Electronic resource] // *Hague Conference on Private International Law*. — Mode of access: <<https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=29>>. — Date of access: 10.01.2018.
48. *Summary report prepared by the UNIDROIT Secretariat: UNIDROIT 1987 — Study LIX — Doc. 46 / Committee of governmental experts for the preparation of a draft Convention on international financial leasing (Third session, 27—30 April 1987)* [Electronic resource] // *UNIDROIT*. — Mode of access: <<https://www.unidroit.org/english/documents/1987/study59/s-59-46-e.pdf>>. — Date of access: 10.01.2018.
49. *Summary Report prepared by the UNIDROIT Secretariat: UNIDROIT 1987 — Study LVIII — Doc. 32 / Committee of governmental experts for the preparation of a draft Convention on certain aspects of international factoring (Third session, 22—24 April 1987)* [Electronic resource] // *UNIDROIT*. — Mode of access: <<https://www.unidroit.org/english/documents/1987/study58/s-58-32-e.pdf>>. — Date of access: 10.01.2018.
50. *Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related acts* [Electronic resource] // *European Parliament*. — Mode of access: <<http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf>>. — Date of access: 10.01.2018.
51. Wiedemann, D. *Convergence and Divergence in the EU's Judicial Cooperation in Civil Matters: Pleading for a Consolidation through a Uniform European Conflict's Codification* / D. Wiedemann // *Max Plank Private Law Research Paper N 15/14*. — Hamburg, 2015. — P. 174—198.
52. Wilhelmsen, L. H. *European perspectives on international commercial arbitration* / L. H. Wilhelmsen // *Journal of Private International Law*. — 2014. — Vol. 10, N 1. — P. 113—128.
53. Zanobetti, A. *Cooperation in Civil Matters and Multilevel Unification of Private International Law* / A. Zanobetti // *The external dimension of EU private international law after Opinion 1/13* / ed. by Pietro Franzina. — Cambridge; Antwerpen; Portland: Intersentia, 2017. — P. 117—130.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.